

И что?¹

Цви Кац

...ist dies etwa der Tod?²

Ранн Баварский

А может быть, первым это сказал
Йозеф фон Эйхендорф?

¹ В интервью, сопровождавших выход романа, автор рассказывал, что этот вопрос задал его друг и внимательный читатель Цви Кац, бизнесмен, живущий на две страны, Израиль и Мексику, но заезжающий в Барселону при каждой возможности. Кабре посетовал, что увяз в работе над новым романом, и упомянул, что один из его героев — кабаненок, а Кац ответил вопросом: «И что?» — *Здесь и далее примеч. перев.*

² Неужто это смерть? (*нем.*) Строка из стихотворения немецкого поэта эпохи романтизма Йозефа фон Эйхендорфа (1788–1857) «На закате» («Im Abendrot»), положенного на музыку немецким композитором Рихардом Штраусом (1864–1949) и ставшего четвертой частью цикла «Четыре последние песни» для сопрано и оркестра («Vier letzte Lieder», 1948).

ИНЦИПИТ¹

Вы, без сомнения, видали иной раз в ночи, как мотылек, большой или маленький, судорожно машет крыльями, влекомый светом фонаря. Перед злополучным насекомым открыты два пути: либо его прельстит нечто иное, мотылек отклонится от курса и будет спасен, либо он подлетит к фонарю поближе и примется отчаянно описывать вокруг него спирали как замороженный, все быстрее и быстрее, пока не приблизится к источнику света, а как коснется его — в ту же секунду сгорит. Нечто вроде принесения себя в жертву огненному богу. Если же пламя защищено стеклом или это вовсе не пламя, а яркая лампочка, мотылек радостно улетает восвояси, даже не думая об опасности или самопожертвовании, едва не задевая крыльями своих собратьев, которые

¹ Букв. «начинается» (*лат.*) — начальные слова текста в рукописных или первопечатных книгах.

с той же мыслью кружатся у фонаря в очарованном контрдансе. Так он порхает, пока одна из тех миролюбивых и спокойных ящериц, что караулят на стене за фонарем в силу не подлежащих обсуждению древних договоров, не разинет пасть и не проглотит насекомое, упоенное мечтой о близости к свету. Ящерке приходится делить это лакомое местечко за фонарем со множеством сородичей, тоже догадавшихся о преимуществах охоты в засаде над беспомощной беготней по стенам в напрасном стремлении ухватить какую-нибудь съедобную живность. Особо везучей ящерице под конец сезона удастся в два раза увеличиться в размере и весе. А мотыльков, к вящей славе Господней, всегда хватает: одному Богу известно, откуда на свет слетается столько насекомых. Так вот: в истории, которую я хочу вам рассказать, я считал себя ящеркой (на страже мира и покоя), а оказался серой сумеречной бабочкой, ослепленной сиянием, даже не подозревающей ни о том, как часто у фонаря караулит враг, ни о смертоносности света, даже если он исходит от пламени скромной свечи.

Что ж, такова моя история. Да и история многих других, без всякого сомнения. Кстати, зовите меня Измаил. Именно Измаил: вы

И нас пожирает пламя

не ошиблись. Как тот, из «Моби Дика»¹, так и есть. Вот заладили... Все, все твердите об одном. А я в этом нисколько не виноват; могу поклясться. Хотя, кажется, это уже лишнее.

¹ Измаилом просит называть себя рассказчик в романе американского писателя, поэта и моряка Германа Мелвилла «Моби Дик, или Белый Кит» (*Moby-Dick, or The Whale*, 1851); фразой «зовите меня Измаил» он начинает повествование.

Измаил появился на свет в самый промозглый день года. Была среда, и редкие пешеходы, спешившие по улице в восемь часов вечера, думали только о том, как бы скорее укрыться от холода. Такой зябкий день выдался впервые за весь год, а может быть, и за десятилетие. Отец Измаила был флейтистом в Городском симфоническом оркестре и профессиональным переписчиком партитур и партий для разнообразных ансамблей. Поговаривали, что Рампаль¹ поручил ему переписать около пятидесяти партий своего основного репертуара, и этот заказ позволил семейству жить безбедно. Так говорят, но никто не может в этом поклясться на Библии. Когда Измаилу исполнилось

¹ *Жан-Пьер Рампаль* (1922–2000) — выдающийся французский флейтист; считается, что он лично возродил популярность флейты, какой она не пользовалась с XVIII века.

И нас пожирает пламя

десять лет, отец еще играл на флейте и переписывал партитуры. И как-то раз он посадил ребенка перед собой и сообщил ему, сын мой, тебе следует знать, что ты дитя холода, и мороз так проник в жилы твоей несчастной матери, моей супруге, что пневмония едва не свела ее в гроб. А все из-за тебя.

— Но, папа... откуда мне было знать.

— Не нужно особого знания, — заявил отец помпезным тоном, благодаря которому чувствовал себя важной птицей, — чтобы быть причиной чужого несчастья.

Мальчик на некоторое время замер, чуть не плача и думая с такой силой, что чувствовалось, как мысли крутятся в голове. А потом сказал, но ведь маму убил не мороз, папа.

— В этом ты прав: она умерла не от холода. Но холод ее смертельно ранил.

— Мне было девять лет, когда она умерла.

— Девять лет?

— Она умерла в прошлом году.

— Год назад?

— Да.

— Что ж, пускай, но с тех пор как ты родился, она так ослабла, что в конце концов — когда бы ни было — умерла. И не сомневайся, что это из-за тебя.

Десятилетний мальчик не может определить, сошел ли его отец с ума. Кроме горя, он ничего не почувствовал. И расплакался. А родитель промычал, ну вот, пореви еще. Что твоя милая соседка скажет?

— Пусть говорит что вздумается.

Измаил покривил душой: он сторел бы со стыда, если бы Лео¹ увидела или услышала, как он плачет.

После этого разговора в семье произошел целый ряд событий. Пролетели месяцы, годы, и в один прекрасный день отец отрубил себе указательный палец правой руки: с тех пор он больше не мог ни играть на флейте, ни даже переписывать партитуры и заявил врачу, что поступил так нарочно, поскольку работа ему опротивела и хотелось отдохнуть. И тонко намекнул, что все из-за сына, который не спрятал вовремя ножи. Прежде чем поместить его в сумасшедший дом, решили проверить, не придет ли он сам в чувство, если займется другим делом. В одну светлую голову пришла блестящая идея, что работа на заправочной станции, не наводящая на опасные размышления, окажется лучшим способом привести больного в равновесие. И в один прекрас-

¹ *Лео* — уменьшительное от испанского имени Леонор.

И нас пожирает пламя

ный день Измаил, уже с удивлением наблюдавший, как все его тело покрывается густой растительностью, а голос становится сложнее контролировать (он очень переживал, когда давал петуха в присутствии Лео, хорошевшей не по дням, а по часам), решил навестить родителя на бензоколонке. Тот держал в руке шланг, из которого только что напоил иссохший от жажды «форд», собравший на себе, казалось, все вмятины на свете. Отец вопросительно развел руками и, не получив от сына внятного ответа, сам спросил, какого хрена ты тут шастаешь и прогуливаешь школу.

— Это была не моя вина.

— Ты вообще про что?

— Про маму. И палец ты себе оттяпал тоже не из-за меня.

— Я, вообще-то, и не говорил...

— Говорил. Ты на меня баллоны катаешь.

— Да пошел ты...

— Хорошо, — сказал подросток, не двигаясь с места.

— Умничать решил?

— Папа...

— Марш в школу, или оболью тебя бензином. Тогда помчишься как миленький.

— Папа...

Жауме Кабре

Отец прицелился в него из шланга и выпустил струю бензина, от которой сыну пришлось укрыться за сияющим «штромбергом», как раз въезжавшим на заправочную станцию. Исмаил убежал не оглядываясь, а когда под вечер, вдоволь набродившись по городу, он с заплаканными глазами приплелся домой, там его встретила крайне любезная дама, которая осведомилась, не Исмаилом ли его зовут, и он подтвердил, что так оно и есть. А та ему, послушай, твой отец...

— Что с ним такое?

— Мы были вынуждены его госпитализировать.

— Он псих. Ненормальный.

— Не надо так говорить. Твой папа болен.

— Ну да, с ума сошел. Чуть меня заживо не сжег.

— Это нам известно. Он проходит курс лечения, а нам с тобой нужно побеседовать.

— О чем?

— О том, что тебя ждет. Об этом мы должны...

— Что это значит?

— Пойми... что ты не можешь жить один.

И нас пожирает пламя

— Я уже два года хожу за продуктами и каждый день готовлю.

— А деньги у тебя откуда?

— Отец кладет их в банку из-под сахара.

— Ну а теперь будешь жить на всем готовом.

— Я не хочу в тюрьму. Это не я с ума сошел, а папа.

— Что ты, что ты, дружок, — рассмеялась чрезвычайно любезная дама, — никакая это не тюрьма. Тебя просто поселят в одну квартиру с другими мальчиками и воспитателем.

— Ни за что на свете, сеньора.

В тот же вечер его отвезли туда, где уже обосновались четверо равнодушных воспитанников, за которыми присматривал некто по имени Алекс. Будешь жить тут. Договорились?

В комнате, куда поселили Измаила, было две кровати. Его соседом оказался один из безучастных подростков по имени Симон, который, судя по всему, с утра до вечера читал и, кажется, только через час с лишним сообразил, что новичка подселили к нему.

— Привет, — в третий раз повторил Измаил. Тогда Симон оторвался от книги и долго-долго молча глядел на него. Осмот-

Жауме Кабре

рев новенького как следует, он заложил страницу закладкой, закрыл книгу и ответил, привет.

На следующий день Симон сказал, что у него родители в тюрьме, но все обвинения ложные. А с тобой что стряслось?

— Мамы у меня нет. Она умерла от холода. Уже давно.

— Вот черт. А отец?

Через несколько дней, когда они, вернувшись из школы, жевали бутерброды и делали вид, что готовят уроки, Исмаил спросил Симона, а что ты все время сидишь с книгой.

— Я люблю читать.

— И не мешало бы вам всем последовать его примеру, правда? — заметил воспитатель, разгружая пакеты с едой на три дня.

— Скукота, — отозвался блондин, почти альбинос, о котором в квартире ходили слухи, что его замели за нелегальную игру в покер. Дело было в том, что никто из них не знал, по какой причине все остальные оказались под началом Алекса. Каждый пытался избежать объяснений и переставал расспрашивать, едва ему становилось ясно, насколько на вопросы неприятно отвечать.

Словно проходя обряд инициации, уже через две недели, закончив книгу, которую дал ему почитать Симон, Исмаил покорно поплелся вместе со своим новым другом

и в сопровождении Алекса в районную библиотеку. Симон подвел его к толстому фолианту, раскрытому на первой странице, и указал пальцем на верхнюю строчку:

— Это начало романа. Читай вслух.

— Зовите меня Измаил, — прочел Измаил. И в изумлении остановился. Довольный Алекс незаметно усмехнулся, а Симон спросил, можно ли взять книгу из библиотеки домой.

Как же так вышло, что Измаил оказался в этой квартире, где почти никто никогда и ни с кем не ссорился и откуда всем хотелось поскорее убраться восвояси, но без всякой спешки, поскольку жить с семьей, если от нее еще что-то оставалось, было бы почти самоубийством? Волею судеб.

Итак, Измаил перечитал первую страницу книги раз тридцать. Но как ни бился, не мог продвинуться дальше, потому что, слушай, а тебе не надоедают эти рассказы про суда под парусами и все море да море, и...

— Не зацкливайся. Никто не обязан дочитывать романы до конца. Читай только книги, которые того достойны.

— Ты хочешь сказать, что «Моби Дик» — плохая книга?

— Нет. Хочу сказать, что ты к ней еще не готов...

И нас пожирает пламя

— А кто ты такой, чтобы мне указывать, к чему я не готов?

— Хорошо, хорошо. Делай как знаешь.

И уткнулся в свою книгу, которая была гораздо тоньше романа, доставшегося Измаилу. А Измаил промучился несколько дней и в конце концов попросил у Алекса разрешения сходить в библиотеку и поменять этот том на что-нибудь потоньше, если можно. Он свыкся с тем, что спорить с Симоном — пустая трата времени, но все еще не мог понять, как такой уравновешенный парень оказался в этом закутке для заблудших овец. Да-да, его родители сидели в тюрьме, но все обвинения были ложными.

— Симон, — обратился к нему Измаил как-то в дождливый весенний день.

— Ага, — ответил тот, не отрывая глаз от книги.

— Что это были за ложные обвинения?

— Ты о чем?

— Ну как же. Скажи, за что твоих родителей...

Симон захлопнул книгу, не заложив страницу закладкой, приподнялся и врезал ему по носу так, что кровь шла без остановки пару часов, несмотря на обилие ваты и перекиси водорода. Удар помог Измаилу немедленно усвоить, как важно в жизни молчание. Никто из них — ни пострадавший,

ни тот, кто бросился на него с кулаками, ни Алекс, ни их соседи по квартире — не посчитал, что о происшествии необходимо уведомить службу защиты детей, раз Измаил сдуру получил по заслугам. Да и никакой он был не ребенок, волосатый с головы до ног.

Уже получив аттестат зрелости, он понял, что ничего похожего на квартиру под началом Алекса в мире нет. Что его счастливый билет в жизни — это не будущие успехи в университете, а то, что довелось попасть туда, где живут не как все. Он распрощался с товарищами, ни одного из которых пять лет назад не знал, потому что время течет для всех, кроме Алекса, у которого до сих пор ни одного седого волоса. Перед началом семестра Измаил пошел навестить отца.

— Нет, я хочу пойти один.

— Я понимаю, но, если хочешь, я могу тебя...

— Не надо, Алекс. Вспомни проповедь, которую ты прочел нам несколько часов назад, когда объяснял всем остальным, что мне пора с ними прощаться и все такое. Ты то же самое говорил, когда провожали Симона...

— А теперь ты взялся меня критиковать...